

(в 1890—1910 гг., — *Прим. ред.*) в устах народных певцов, преимущественно южновеликорусских и украинских, причем связь их с книгой, традицией может быть установлена в большинстве случаев.

Эта аналогия, невольно бросающаяся в глаза при ознакомлении с данной группой сербских духовных стихов, становится особенно явной, если обратить внимание на содержание и самый текст этих стихов. При сравнении тождество содержания и текстуальное сходство не оставляют сомнений о связи между сербскими, русскими и украинскими стихами этой группы.

Ограничусь немногими примерами. Рождественский стих (поклонение волхов) в рукописи Белградской Академии наук (№ 27, л. 17), «Песнь» (нач.: «Шедше триє цари Христу со дари») буквально совпадают со стихом, записанным в Черниговской губернии, Сосницком уезде (Бессонов, вып. 4, № 243). Песнь св. Спиридону в рукописи Белградской народной библиотеки (№ 445, л. 52) представляет не что иное, как стих о Николае (нач.: «А кто, кто Николая любит», см.: Бессонов, вып. 3, № 190).⁴ Все отличие сводится к тому, что вместо имени Николая подставлено имя Спиридона (святого, популярного на Балканском полуострове под влиянием греков в недавнее еще время), даже та игра словами, которая основана на имени Николы, осталась неудачно примененной к Спиридону:

Спиридонъ имя знаменито,
«Побѣждай» тезоименито:⁵
Побѣждаетъ агаряне,
Утѣшаетъ христiane.

Все это, устанавливая родство между русскими, украинскими и сербскими стихами, невольно вызывает вопрос: какова эта связь и чем она может быть объяснена? Ближайший анализ сербских стихов, справка в истории литературных связей русской, украинской и сербской народностей, думается, дают на это ответ.

Первые указания дает язык сербских духовных стихов. Прежде всего это язык не живой, не народный, который мы видим в сербских духовных стихах первой из отмеченных нами групп. Язык этих стихов должен быть сопоставлен с тем книжным славяно-сербским языком, каким пользовались сербские грамотные люди с конца XVII в., вплоть до Досифея Обрадовича, а частью и позднее. Это язык русских печатных славянских книг, язык московской Руси, ее духовенства. Только в незначительной степени (и притом в большинстве случаев бессознательно) в него включаются элементы живой сербской речи. Это язык таких писателей, как Иван Раич (1726—1801), Гавриил Стефанович-Венцлович (первой половины XVIII в.)⁶ и др., когда они не стремились сознательно популяризировать свои произведения, приоравливая их для понимания простого народа. Связь славяно-сербского языка этих писателей с сербской речью сводится к немногому. Встречаются признаки сербской фонетики: например, смешение *ы* и *и*, кое-где сербское *a* вместо старого глухого (пѣсанъ), трчати (гласный *p*), жуто (жълто, желто) и т. п.; реже — характерные элементы сербской морфологии: например, ногомъ вместо ногою. Сербские словарные особенности малочисленны: это обычно ходячие быговые слова, названия обиходных пред-

⁴ В рукописи Белградской народной библиотеки (№ 110, л. 27) находится и сербский такой же стих с именем Николая. Ср.: Бессонов, вып. 3, № 193.

⁵ Νικολαος — народов победитель.

⁶ О первом см.: Д. Руварац. Архимандрит Јован Рајић. Сремски Карловци, 1902; о втором — Владан Јовановић. О језику Гаврила Стефановића-Венцловића. — В кн.: Диалект. Збирка Српске Академије, II. Београд, 1911.